

A white alarm clock is positioned on the left side of the frame, with its face showing numbers from 1 to 12. The word 'QUARTZ' is visible at the bottom of the clock face. To the right, a white teacup sits on a matching saucer. The background is a soft, warm, yellowish bokeh. The author's name and the title are written in a black, handwritten-style font over the image.

Анна Гюблева

ТОЧКА ВОЗВРАТА

18+

Анна Яковлева
Точка возврата

«Автор»

2011

Яковлева А. Я.

Точка возврата / А. Я. Яковлева — «Автор», 2011

ISBN 978-5-532-06078-4

Спустя три года после смерти мужа Женя так и не сумела обрести вкус к жизни. Она растит сына, терпит капризы матери, тянет лямку на работе в отделе кадров фарфорового завода. Евгений Халтурин, столичный кризисный менеджер, приезжает, чтобы запустить процедуру банкротства завода. Молодой, амбициозный и деятельный начальник раздражает Женю, и она высказывает негативное мнение о предстоящем банкротстве... Халтурин начинает размышлять о словах невзрачной кадровички, понимая, что хочет обязательно сделать ее своей союзницей. Но зачем? Женя разительно отличается от тех уверенных в себе элегантных светских женщин, которые привлекают его...

ISBN 978-5-532-06078-4

© Яковлева А. Я., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Яковлева

Точка возврата

Любые совпадения с реальными людьми, компаниями, событиями являются случайными.

Глава 1

...– Спишь? Ну, прости! Не смогла удержаться от звонка. Женька, у меня тако-ой мужик появился! – Судя по тексту, Нинэль, в миру Нинка Мелентьева, была навеселе. – Тайфун, ураган просто! Ну, честно! Такого со мной еще не было!

Последнее время всех мужчин Нинка сравнивала с ветрами.

По Нинкиной классификации, характеристики мужчин выглядели примерно так: бриз – пробежит по душе, как погладит, освежит и потеряется над морской гладью. Самум – иссушит, доведет до полного обезвоживания. Мистраль – холодом несет, в жару не согреешься, зефир – наоборот, радостный, легкий, теплый ветерок, не дует, а струится. Существовали, конечно, и другие разновидности, о которых у Нинки не было практических знаний. Вот, к примеру, с этим ее тайфун-ураганом Мелентьева столкнулась впервые. А ведь где-то, вне поля зрения Нинки, оставались еще муссоны, соранги, пассаты, бореи и еще куча разных ветров.

– Ты из-за этого звонишь? – Женька сонным глазом поглядела на часы: стрелки показывали второй час ночи. – Нинка, ты фашистка.

– Между прочим, мои западные партнеры опубликовали твое фото на сайте невест, – сообщила Нинка-Нинэль и затихла.

Нинэль Мелентьева руководила брачной конторой «Веста» (в честь греческой богини домашнего очага) и после гибели Жениного мужа Андрея уже три года подряд каждую весну и осень не оставляла попыток выдать подругу замуж.

– Опять? – Женька закрыла глаза и бухнулась на подушку. – Не надоело?

– Надоело, но куда деваться? Кто еще, кроме лучшей подруги, возьмет на себя заботу о твоей женской судьбе? Я чувствую ответственность за тебя. Ты такая неприспособленная. Тебя нужно опекать. Пока это делаю я, но со временем найдется мужчина, который возьмет на себя эту почетную обязанность.

Нинка в упор не хотела видеть очевидного: за три года ни одного добровольца так и не нашлось.

Женька обычно язвила:

– Ага, начался весенний (осенний) армейский призыв. По Конституции служба в армии тоже приравнивается к почетной обязанности.

Способность язвить ночью не проявлялась, Женька зевнула с хрустом, до слез:

– Нин, будь человеком. Завтра мама в пять утра начнет на свидание к врачу собираться, поспать не даст, да ты еще тут.

– У нее что, мужчина появился? – Профессиональная сваха, Нинэль всех мужчин, невзирая на семейное положение, звание, состояние здоровья и возраст, заносила в картотеку. Если мужчина оказывался женатым, она говорила, что это ненадолго и тоже заносила в картотеку.

– Нет, женщина, участковый врач в поликлинике.

– Вот скажи на милость, зачем Вере Ивановне в поликлинику? Она здоровее вас с Темкой.

– Она так не считает.

– Распустила ты всех, мать, вот что я тебе скажу.

– Они сами распустились. Я тут ни при чем, – сонно отбивалась Женька. – Нин, я спать хочу.

– Спи, если можешь, – смилостивилась Нинка, и в трубке раздался сигнал отбоя.

Женя закрыла глаза, поворочалась, устраивая под головой подушку. Перья в подушке сбились в комья, комья с поразительной неуступчивостью продавливали голову. Нинка как приговорила: из мозговых глубин вместо сна всплывали мучительные воспоминания.

Муж Андрей на шикарной, навороченной «Ямахе». Она в роддоме. Похороны. Да, еще кукла...

...Женька пошла в отца: светло-русые волосы, круглые, большие, серо-голубые глаза, маленькая, симпатичная картофелина вместо носа и небольшой ротик бантиком. Узнаваемое, всем и каждому родное, славянское лицо. «Девушка, мы не знакомы?» – слышала Женька сплошь и рядом. Или: «Мы не встречались?». Еще один вариант: «Где-то я вас видел» – мужчины не были изобретательны... Кроме Андрея.

С Андреем они столкнулись на пешеходной зебре. Хаустова (тогда еще Лебедева) прошла мимо, обратив внимание на психа, уставившегося на нее, точно она была привидением.

На светофоре зажегся красный, а Андрей как вкопанный стоял на проезжей части и не отрывал глаз от Женьки, пока ему не посигналили. Тогда он сорвался с места, догнал девушку и забежал вперед: «Слушай! Подожди! В «Детском мире» кукла продается с твоим лицом. Не веришь? Пошли, сама увидишь». И он потащил ее в магазин игрушек, недалеко от которого они столкнулись.

Кукла была великолепна. С фарфорового личика смотрели на мир до странности живые голубые глаза, чуть приоткрытые губы бантиком, а над ними – малюсенькая картофелинка вместо носа, в точности как у Женьки. Младшая сестра, нет – уменьшенная копия Лебедевой.

Женя не могла отвести глаз от наряда: чепчик и сарафан с рубашкой в этно-стиле, все с натуральным кружевом, все по-взрослому, все серьезно. Кукла стоила запредельных денег – три мамины зарплаты.

Андрей тогда сказал, что кукла несет родовой этнический код, скрытые символы, укрепляет семейные связи, а с такими чертами лица (в особенности, круглыми большими глазами) вызывает желание защищать и заботиться о ней – в общем, рассказал много интересного и умного. Женька, конечно, развесила уши ...

Андрей тогда пообещал, что кукла будет Жениной, если она ходит с ним на футбол. От футбола Женька отказалась, но они в тот день обошли весь город и посидели в кафе.

Андрей куклу все-таки купил, но об этом Женя старалась не вспоминать.

Женька не могла смириться со смертью мужа. Просто перестала говорить об этом вслух, спрятала боль и страх перед жизнью, научилась плакать слезами внутрь, превратилась в резервуар-накопитель слез. Избегала людей, знакомств, встреч с друзьями. Одной Нинке каким-то чудесным образом удавалось не потерять связь с подругой и даже изредка вывести ее из состояния тупого равнодушия к себе и окружающим.

Через год Женькиного вдовства Нинэль предложила Хаустовой найти мужа по объявлению.

Женя была категорична:

- Нин, если ты хочешь оставаться моей подругой, забудь.
- Ты не поняла: ты будешь вроде добровольной жертвы эксперимента.
- Я и так жертва, – напомнила подруге Женька.
- Это другое: мы будем изучать спрос на тебя.

Женька фыркнула:

- Маркетолог нашлась. Я не товар, чтобы на меня спрос изучать.
- Все женщины – товар.
- Я не женщина. Я бесполое существо.
- Вот! И я об этом! Хаустова, квалификацию надо повышать, нечего сидеть в четырех стенах. Я с ребятами поговорю, чтоб Линду Евангелисту из тебя сделали. Или Синди Кроуфорд. Или Кристи Тарлингтон. Ты кем хочешь?
- Никем.
- Так ты и есть никто!

– Тогда собой. Желательно, прежней.

– Перестань, Жень, все проходит. У тебя Тема, мама и я. Разве мало? И ты у нас красавица, лучше не бывает! Всякие Линды и Кристи отдыхают.

Дружба двух таких разных женщин, как Хаустова и Мелентьева, только на первый взгляд казалась необъяснимой.

Жене история жизни Нинки представлялась голливудской сказкой, и она с уважением относилась к Мелентьевой, пробившейся из ниоткуда и сделавшей себя – стопроцентная, без подделок self-made women.

Мелентьеву не угнетало, как многих, мрачное молчание Жени, наоборот, она отдыхала в скорбной, болезненной тишине дома Хаустовых от агентства и сопутствующих страстей.

Несмотря на Женино сопротивление, Нинка, как давящий пресс, выжала из подружки согласие на фотосессию.

Мастерство и аппаратура Альбертика – мастера своего дела, победителя всевозможных конкурсов журнала Digital Photo, набившего глаз и руку на фото-сессиях, оказались бессильны: большие, ничего не выражающие серо-голубые глаза Жени никого, кроме психиатра, не могли заинтересовать.

У Аллы, заведующей каталогом невест, при взгляде на фото Хаустовой вытянулось лицо.

– Что это?

– Отставить разговорчики! – велела Нинка, заимствовав командные выражения и интонации у служащего Российской Армии, майора Гробового, бывшего в то время ее любовником. – Выполнять!

В течение двух последних лет Нинэль сделала четыре попытки пристроить Женьку замуж. Все они не увенчались успехом, и оптимизма у Нинэль поубавилось.

На этот раз Мелентьева положила перед Аллой диск с фотографиями подружки со словами:

– Это в последний раз.

– Неужели? – Алла знала, что громкие Нинкины заявления ничего не стоят.

– Вот те крест на пузе, – поклялась Мелентьева.

Однако именно тогда, когда Нинка решила, что отступится, если ничего не выйдет, космос вдруг отозвался на запрос. Только ответ был неожиданный.

Глава 2

– На второй путь прибывает скорый, проходящий, пассажирский поезд «Москва-Минеральные воды», – прожурчал громкоговоритель. – Стоянка поезда две минуты.

Евгений Халтурин уже стоял в тамбуре вагона и ждал, когда проводница откроет дверь, протрет поручни и поднимет «фартук» – откидную площадку для высокой платформы.

Евгений почему-то не сомневался, что его встретят, и даже представлял молодого человека или девушку с табличкой «Встречаю Е.С.Халтурина» и с букетиком гвоздик.

Однако Е.С.Халтурина никто не встречал.

Одно из двух: либо договор расторгли в одностороннем порядке, либо ситуация вышла из-под контроля. Тогда... Тогда Евгения просто обязан был встретить директор завода – Борис Борисович Куколев, живой или мертвый. «Где же он?» – озирая пустой перрон, досадовал Халтурин.

Поезд, дважды сделав ш-ш-ш, потихоньку тронулся.

Оставшись в полном одиночестве, Евгений вспомнил, что носильщики здесь не водятся, и потащил вещи на площадь перед вокзалом.

Ничем не примечательная площадь небольшого провинциального городка была не ухожена, утыкана ларьками и оккупирована старушками с корзинами, возле которых, свернувшись, спали собаки.

– Пирожки с капустой, картошкой, яблоками! – заорала, увидев приезжего, толстая тетка в спортивном костюме и бейсболке.

Халтурин никогда не покупал еду на улице – брезговал.

Дойдя до остановки, он увидел такси – «жигули» ядовито-зеленого цвета – и махнул рукой водителю.

Машина сдала назад, средних лет мужичок выскочил, помог загрузить сумки в багажник и повез в гостиницу.

– Командировочный? – догадался мужичок.

– Командированный, – умышленно внес правку Халтурин, но халтуринское чувство языка не произвело на таксиста никакого впечатления.

– Надолго?

– Как получится. А где у вас тут завод фарфоро-фаянсовый? – Евгений ловко перевел разговор с собственной персоны на нейтральную тему.

Пока мужичок подробно и основательно втолковывал Халтуруину, на каком автобусе, откуда и куда надо ехать, машина остановилась у парадного крыльца отреставрированного купеческого особняка.

– Приехали, – сообщил водитель.

Администратор гостиницы – приятная, невысокая, круглая во всех местах молодая женщина, какие еще, слава богу, водятся в отечестве, с наивной, почти детской радостью поднялась навстречу гостю. На бедже было указано имя – Любовь Алексеевна Клюева.

На душе у Халтурина потеплело, он решил, что встретить Любовь в чужом городе – хороший знак. Впрочем, встретить он Пульхерию, Даздраперму, Прасковью или Снежану – ему бы все показалось хорошим знаком. Роковая страсть, изматывающая душу последние несколько лет, так обескровила Халтурина, что когда сел в Москве в поезд, испытал неимоверное облегчение от того, что сегодня и завтра, и еще какое-то время не придется унижаться, умолять и доказывать.

Люба повела Халтурина в «люкс».

Номер оказался небольшим, но уютным. Из окна был виден сентябрьский сквер с еще зеленой, но уже обессиленной солнцем, дождями и пылью листвой.

На сердце у Евгения стало так спокойно, как давно уже не было.

К покою располагала душевая кабина, сверкающие чистотой умывальник и унитаз, в комнате с задрапированным окном широкая кровать, тумбочка, зеркальный шкаф и тумба под телевизор, – все было новым, даже запах смолы и клея еще не выветрился. Халтурин не ожидал найти такую роскошь вдали от столицы. Радость оказалась преждевременной.

– Здесь душ, но, к сожалению, вода горячая не всегда бывает, – с виноватым видом предупредила Любовь. – Телевизор и чайник есть в номере, а в конце коридора бытовая комната, там можно погладить, или девочек попросите – погладят. Если будет свет. У нас частые отключения.

Она изобразила улыбку начинающего попрошайки – стыдливую и жалостливо-просительную.

Халтурин решил извинить администраторшу за неудобства, связанные с отключениями света и воды, и тоже улыбнулся.

– А вы к нам по какому делу? – Разведчик из Любы был никудышный, от любопытства даже носик покраснел.

– В командировку на завод, – решил не играть с такой милой, гостеприимной хозяйкой в шпионов Халтурин.

Глаза у Любы округлились:

– Ой! А вы, случайно, не кризисный управляющий?

Халтурин рассмеялся:

– Хорошо у вас информация поставлена. Да, я кризисный управляющий.

– У меня муж на заводе работает, – с волнением произнесла Люба, на круглых щеках выступил румянец. – Они только о вас о говорят! Там у них тако-ое! Не закрывайте завод, пожалуйста! – Люба молитвенно сложила ладони и с надеждой посмотрела на Евгения.

– Ну, – приосанился Халтурин, – это от меня не зависит. Это зависит от кредиторов.

– Вы поймите, у нас здесь только два завода – посудный и льнозавод, и больше ничего. И оба закрываются. Что здесь делать тогда? Как жить?

Халтурин был не рад, что не сохранил инкогнито, обозвал себя щеголем, дешевкой и попытался отыграть:

– Разберемся, Любовь Алексеевна, разберемся.

... Был четверг, на работу Женька опаздывала и на последних метрах до финиша развила крейсерскую скорость.

Четверги были «пенсионными»: Женя помогала будущим пенсионерам написать ходатайство, выдавала справки, отправляла запросы, считала трудовой стаж – одним словом, занималась рутинной работой.

Очередь зашевелилась навстречу, приветствуя: кто вздохом облегчения, кто улыбкой, кто – сведенными бровями.

– Здравствуйте, – бросила Хаустова, пролетела сквозь строй под разноголосые ответные «здравствуйте», открыла кабинет, сбросила старенькое, потерявшее форму и цвет пальто и пригласила первого посетителя.

В кабинет с заискивающей улыбкой просочилась контролер из цеха сортировки:

– Женечка, я тут справки принесла.

– Давайте документы, Алевтина Васильевна. Присаживайтесь, – пригласила Женя.

Пока она переворачивала страницы трудовой книжки, разбирала справки, посетительница вздыхала, сморкалась, бормотала что-то – нервничала.

– Я сделаю запросы, будем ждать ответ, – закончив знакомство с бумажками, сообщила Женя.

– Спасибо, спасибо, Женечка. Мы-то хоть пенсию заработали, а что ж будет с молодыми?

– Да, ужас! – без энтузиазма подтвердила Женя. – Скажите там очереди, чтобы подождали, я приглашу.

– Ага, передам, – пообещала женщина и скрылась за дверью.

Женя поднялась и включила чайник. Бутерброд с докторской колбасой лежал в сумке, и Женя поняла, что до обеда не дотянет.

Позавтракать она не успела: Тема капризничал, не хотел вставать, отказывался идти в сад. Женя с удовольствием оставила бы Тему дома с мамой, но мама тоже капризничала – не хотела сидеть с Темой. Женя все утро провела в уговорах и переговорах, однако уступила не мама, уступил трехлетний Тема.

Чайник вскипел, Женя залила кипятком пакетик чайных опилок с претензией на «Липтон», помешала сахар и прицелилась к бутерброду. Когда бутерброд уже был во рту, и зубы погрузились в колбасный кружок, а язык ощутил вкус черного хлеба и пряностей, дверь открылась.

То ли работница не предупредила очередь, то ли очередь не захотела ждать, так или иначе, в кабинет проник посторонний. Женька с настороженным вниманием уставилась на посетителя. Если по поводу пенсии, то уж точно не по возрасту. Неужели по инвалидности? Жалость какая!

Ухоженный, лощеный, за тридцать. Глаза глубокого серого цвета, светло-русые волосы зачесаны назад, высокий лоб с едва наметившимися морщинками, высокие скулы. Лицо насупленное, строгое, с прямыми линиями: прямые брови, нос, губы. Серый пиджак в елочку, черные брюки, бледно-голубая рубашка, черные туфли. Ни единого изъяна в облике.

Женька инстинктивно втянула под стол ноги (она влезла в грязь на территории завода, но мысль о сапогах вылетела из головы, как только увидела очередь за дверью) проглотила кусок бутерброда, практически не жуя, и попыталась остановить вошедшего:

– Мужчина, у нас пенсионный день.

Посетитель был определенно глухим. С непроницаемым лицом он прошел к столу и густым низким голосом приветствовал Женю:

– Здравствуйте.

Сунув бутерброд под салфетку, Женька вытерла пальцы и с кислым видом поинтересовалась:

– Вы расписание видели?

Хаустова еще рассматривала мужчину, а он уже закончил визуальное обследование: особо рассматривать было нечего.

Женя и раньше не злоупотребляла косметикой, а теперь совсем перестала пользоваться – настроения не было. Обычная девушка: хвост на макушке, постная физиономия, черный свитер и серый сарафан – не арабеска, не геометрический орнамент, к тому же усталость и мировая скорбь на лице. Мужские взгляды все чаще скользили мимо, не задерживались. А ведь могла бы быть привлекательной...

– Как вас зовут? – Рука мужчины нырнула во внутренний карман пиджака.

– Евгения Станиславовна.

Женя не заметила, как брови посетителя от удивления подпрыгнули, он хмыкнул носом и покрутил головой. Хаустова с напряжением следила за рукой мужчины, будто он мог вынуть из кармана пистолет или гранату – очень уж сильным было сходство с Джеймсом Бондом в исполнении Пирса Броснана, которого Женька не выносила.

Посетитель раздражал Женьку не только щегольством и глянцевою внешностью. От мужчины исходили энергетические волны опасного состава. Станный гибрид раскованности и сдержанности.

Из кармана появились вполне обыкновенные, но многочисленные корочки:

– Евгения Станиславовна, подготовьте приказ, я потом найду.

Ничего не объяснив, посетитель оставил на столе документы и вышел.

Женя проглотила бутерброд, выглянула в коридор и пригласила следующего очередника. Документы, через несколько минут оказавшиеся похороненными под другими бумагами, так и остались лежать на краю стола.

В конце дня «мистер Бонд» снова возник у Жени в кабинете:

– Евгения Станиславовна, где приказ?

Женя оторвалась от монитора.

– Какой приказ?

Господин устроился на стуле для посетителей, откинулся на спинку и по-мальчишески покачался, балансируя на двух задних ножках.

Эта манера раскачиваться на стуле подвергла нервную систему большому испытанию: покойный муж Андрей обожал дразнить Женьку, раскачиваясь подобным образом. Отклонялся назад так, что несколько раз опрокидывался. Вот и сейчас Женя в напряжении ждала, что посетитель сверзится вместе со стулом – не сверзился.

– Евгения Станиславовна, – обратился к Жене щеголь. Спыхватившись, он оставил стул в покое. – Похоже, мы с вами не сработаемся.

Женя застыла, ожидая продолжения, объяснений или намека. Вместо этого посетитель с упреком посмотрел Жене в глаза и тут же отвел взгляд. Женя его понимала – сама на себя старалась смотреть как можно реже. «Неужели управляющий?» – вспыхнула догадка, от которой внутри у Женьки все завязалось в узел.

Управляющий, о котором шептались по углам уже несколько недель. Топ-менеджер, кризисный управляющий или антикризисный, или что-то в этом роде, с революционной фамилией. Дзержинский? Нет. Троцкий? Нет, не Троцкий. Или Бухарин? Кажется, да, точно, Бухарин

– Борис Борисович в больнице, – поделился с Женей далеко не свежей новостью «господин Бонд».

Хаустовой почудился упрек в голосе революционера, будто это она, Женька, обанкротила их посудную лавку и довела добрейшего ББ до инфаркта.

Женя протянула руку к документам на краю стола, подтащила паспорт, открыла и прочитала:

– Евгений Станиславович Халтурин.

Мысли разбежались, голос перешел на шепот.

– Ясно.

Не Бухарин и не Троцкий – Халтурин. Женя почувствовала подвох в имени, отчестве и фамилии управляющего. Полный тезка, только мужского рода, и фамилия на ту же букву, что у нее. Разве так бывает?

И опять, точно подслушав Женины мысли, Евгений сказал:

– Бывает. Так вот, Евгения Станиславовна, боюсь, придется с вами проститься.

– Почему? – шепотом поинтересовалась Женя. Звук пропал.

– Ну, хотя бы потому, что вы игнорируете распоряжения начальства, – на лице Халтурина появилась покровительственная улыбка, – и чтоб нас не путали.

Вспыхнув, Женька попыталась увильнуть от ответственности:

– Я ничего не игнорировала. У меня сегодня «пенсионный» день, а вас никто не представил, и сами вы не догадались представиться. Мысли я читать не умею. С какой формулировкой собираетесь уволить? За то, что кадровик не умеет читать мысли? Такой статьи в кодексе нет. А перепутать нас нельзя даже с перепоя, даже спросонья, даже... не знаю, – с обидой закончила она и поняла, что получился наезд, а не оправдание.

– Логично, – рассматривая что-то на макушке пыльного фикуса у окна, согласился Евгений Станиславович. – Так как насчет приказа?

Серые глаза покосились на Хаустову.

Женя метнула взгляд на часы. Они показывали конец рабочего дня. Пока она попадет в сад, пока они с Темой приползут домой, пока она приготовит ужин, покормит маму с сыном, вымоет посуду, почтает сыну сказку. Пока приготовит на завтра Теме и себе одежду, будет уже ночь. Хорошо, не ночь, поздний вечер. Потом в душ и спать. Что случится, если она напечатает этот злополучный приказ завтра?

– Может, до завтра потерпит? – вышла из тоскливой задумчивости Женя.

– Домой спешите? Имейте в виду, мне больше по душе работники, которые не смотрят на часы. Хорошо, – вдруг разрешил Халтурин, не обратив внимания на Женин презрительный взгляд, хлопнул себя по коленям и поднялся, – до завтра приказ потерпит, но предупреждаю: не опаздывайте. Я этого не люблю. Завтра собрание трудового коллектива, надеюсь, вы будете.

Он вышел, оставив в кабинете колючий запах какой-то изысканной туалетной воды.

Женька, понюхала воздух, спрятала документы управляющего в сейф и стала собираться.

Ясно, что этот кекс начнет закручивать гайки, как все новые начальники. ББ все знал о Женьке, сочувствовал. Она пользовалась лояльностью директора, иногда даже злоупотребляла. С сегодняшнего дня все льготы отменялись. Теперь будет, как захочется левой пятке управляющего. Никакой КЗоТ не уберезет ее от самодура-начальника. Этот уволит за то, что менеджер по персоналу мысли читать не умеет, найдет статью.

Начнет цепляться: минута опоздания – штраф, две минуты опоздания двойной штраф. Ошибка в приказе или в трудовой книжке – лишение премии. Жалоба – увольнение. Обложит со всех сторон, как волка загонит и предложит написать заявление по собственному. Плавали – знаем.

...Как выяснилось, Куколев не встретил Халтурина, потому что свалился с инфарктом.

Агнесса Павловна – секретарша Куколева, старорежимная дама с помадой, выходящей за пределы скептически поджатых узких губ, открыла кабинет директора, – предложила Халтуруину располагаться и принесла кофе. Все было каким-то сиротским, и кабинет, и кофе, и секретарша.

У Агнессы были четкие распоряжения на счет Халтурина: предоставить полную информацию и не чинить препятствий.

Ликвидировать посудный заводик на периферии – не бог весть, какой подвиг, но у Халтурина была, кроме профессиональной, еще личная цель. Закончить ликвидацию, продать активы, рассчитаться с кредиторами, получить вознаграждение за работу и улететь в Англию, в школу МВІ («Мастер делового администрирования»). Что еще делать мужчине, если у него нет семьи, и он не подвержен порокам?

С заявлением в арбитраж нужно было спешить – игра шла на опережение: прав всегда тот, кто первым пожалуется. Если пожалуются кредиторы, то «ликвидатора» назначит суд, тогда контроль над ситуацией перейдет в чужие руки. Чужие руки расчленят завод по кускам, растащат на металлолом, продадут за копейки, ни себе, ни людям, и назовут эту вакханалию вполне пристойно: «вывод активов».

Контроль – это деньги, а денег на всех не хватит.

Из опыта Евгений Станиславович знал, что даже если он очень выгодно продаст завод, заткнуть все дыры не получится. «Глупую до невозможности девочку посыпать маком и пообещать ей все, что захочет. Съесть счастливую», – советует Г.Остер. Примерно так и действовал с кредиторами Халтурин.

Спектакль, который готовился ставить на провинциальной сцене кризисный режиссер Халтурин, продлится год, а то и полтора. Через год-полтора Евгений поставит жирную точку в истории завода, съест «дурочку с маком», получит вознаграждение и отбудет в Туманный Альбион.

А пока Халтурину предстояло нырнуть и погрузиться в финансовые проблемы завода как подводнику – на самую глубину.

На глубине намечалась просрочка платежей по кредитам, долги по налогам и займам, внутренний кадровый конфликт (между работниками и руководством) и внешний – между руководством и кредиторами. Нормальная рабочая ситуация.

В банковских документах был еще какой-то тупой крючок, который царапал Халтурина, но разобраться с этим крючком с наскака не получилось, и Евгений Станиславович отложил детальное знакомство на потом.

Халтуринские изыскания пока не принесли ощутимой пользы кредиторам, зато сам Халтурин почти не думал о том, что осталось в Москве.

В Москве остались мама с бабушкой и любимая женщина – Грета Лабун-Мищук.

...Увидев Грету шесть лет назад на «датском» празднике в торгово-промышленной палате, молодой, перспективный топ-менеджер, начинающий «ликвидатор» Халтурин разучился дышать и ходить.

В тонком платье цвета первой листвы Грета напоминала дриаду. Русые волосы с пепельным отливом, бледно-розовый оттенок кожи и зеленые глаза – никакого вызова или, упаси боже, демонизма – мягкая красота и достоинство.

Стройная шея, женственная грудь, талия, щиколотки – в висках у Жеки застучало, в ушах зазвенело – все сразу, одномоментно. Как на операционном столе: сердечный ритм слабый, пульс нитевидный, давление падает. «Мы его теряем!» – слышен голос ведущего хирурга.

Никогда еще желание не было таким внезапным, острым и избирательным. Возможно, виной всему была весна, возможно – долгое пребывание за границей.

Жеку представили Грете, она улыбнулась уголками темно-розовых слегка припухших губ, протянула мягкую ладонь.

– О вас говорят, как о талантливом менеджере. Вы что оканчивали?

– Сначала юридический, потом финансовую академию, теперь вот курсы в Гарварде, – прохрипел Жека.

Губы Греты приоткрылись, между ними блеснул ряд ровных зубов.

– Когда только успели?

Сухой язык еле ворочался:

– Почему это? Мне уже двадцать восемь, – грубовато ответил он.

– А вот и мой муж. – Грета смеющимися зелеными глазами указала на грузного, седого мужчину, которого перехватил по пути к супруге какой-то министерский чиновник.

Халтурин тут же возненавидел Мищука.

Последующие пять лет Халтурин провел как болгарский нестинар, танцующий на углях ради удовольствия публики.

Морок не проходил, вселяя уверенность, что это любовь с первого взгляда. А как еще можно назвать бессонницу, навязчивое желание обладать малознакомой женщиной, чужой женой?

Поддавшись безумию, Жека наводил справки, искал досье на замминистра, сблизился с теткой из секретариата – старой сплетницей, задавал как бы невзначай осторожные вопросы.

Добытые сведения подверг тщательному анализу и попытался понять свои шансы.

Грета оказалась на пять лет старше Жеки, от чего стала еще желанней: Халтурин вообразил, что чувственность Греты предстояло разбудить именно ему, а не мужу.

Детей у Греты с Мищуком не было. Это радовало: хотя Халтурин и был готов растить детей Мищука, но не был уверен, что этого захочет Грета.

Замужество любимой женщины длилось больше десяти лет. Это тоже радовало, потому что супруги уже должны были наскучить друг другу, что облегчало задачу Халтурина.

Мишук много времени проводил в командировках, значит, Грета оставалась дома одна. Получалось, что шансы есть.

Через месяц Халтурин знал, где жена замминистра берет уроки верховой езды и косметический салон, куда Грета ездит раз в неделю.

Болезнь прогрессировала: Жека хотел знать, в каком бассейне Грета плавает, какое белье носит, какими духами пользуется, какие фрукты и марку вина предпочитает.

В таком угаре он провел три месяца.

Через три месяца судьба сжалилась над страдальцем и подарила возможность увидеться с Грэтой в Дулево, на экскурсии по фондам Гжельского завода.

На Грете были белые джинсы, белая майка и зеленая льняная рубашка. Большая, мягкой формы белая сумка на плече и белые мокасины. Крупные серьги из змеевика в серебряной оправе подчеркивали цвет глаз, очки поддерживали струящиеся пепельные волосы. На запястье сверкали браслеты.

Жека не разглядел деталей, он вбирал в себя образ целиком: пока он, Евгений Станиславович Халтурин, превращался в маньяка, Грета стала еще ослепительней.

Жена замминистра была не одна, ее сопровождал какой-то пожилой иностранец.

– Грета, здравствуйте, – в волнении произнес Евгений, столкнувшись с чужой женой у экспоната – кичливого телефонного аппарата.

Когда Халтурин злился или волновался, как сейчас, он был очень хорош. Грета залюбовалась молодым человеком:

– Мы знакомы?

– Да, нас представляли на вечере в торгово-промышленной палате.

– Да-да, припоминаю, – откликнулась чужая жена. Она вспомнила, что парень считает себя взрослым.

– Странно, я думала, взрослые мужчины предпочитают футбол, ипподром, спортзал, стрелковый клуб или что-нибудь другое, такое же brutальное.

Если Грета хотела позлить и унизить Жеку, то выбрала правильный тон.

– А я думал, жены министерских чиновников проводят время иначе, – вспыхнул Халтурин.

Грета прищурила миндалевидные глаза:

– Например?

– Скорее на Карибах, чем в Дулево.

– Вы не любите фарфор?

– Я увлекаюсь историей фарфора, – без особого желания признался Халтурин, думая о том, как не выдать секретаря-референта Мишука. Жека как раз находился в приемной, когда референт передавала заказ на экскурсию для Грэты и иностранного гостя.

– Тогда вас должен интересовать семейный бизнес Матвея Кузнецова. Я права?

– Да, – Жека воодушевился, – удивительный был человек. В восемнадцать лет получил в наследство два завода, а через десять лет у него уже было восемь заводов – это впечатляет.

Грета перешла к новому экспонату, Халтурин, как записной прилипала, потащился следом.

– У нас заказан мастер-класс лепки и росписи, – с дальним прицелом сообщила Грэта Халтуруину, – вы не хотите присоединиться, своими руками вылепить и расписать какую-нибудь фигурку?

– О! – с трудом дошло до Евгения. – Конечно!

Жека почти не видел, что делает – следил за пальцами Греты: тонкими, нервными, ухоженными. Кровь закипала, желание смять эту женщину, так же, как она мяла белую глину, сводило с ума. Жеку лихорадило, к концу сеанса выглядел он совсем больным.

Грета взглянула на Халтурина и изменилась в лице:

– Вам плохо?

– Душно здесь, – выдавил одуревший от переживаний Халтурин.

Гретин спутник – немец из Страсбурга, все время улыбался, глядя на авторскую работу Жеки: халтуринская русалка смахивала на изделие общества слепых.

Халтурин хотел бросить фигурку в мусор, но Грета обожгла легким прикосновением:

– Зачем? Отдайте мне, если вам не нужна.

– Забирайте, – разжал ладонь Евгений.

– Я коллекционирую образцы арт-брюта, – опять поддела она Халтурина.

– Никогда бы не подумал, что у вас плохой вкус, – огрызнулся Жека.

– Не у меня, – ничуть не обиделась Грета, – у моих клиентов.

Жека твердо решил добиться своего или умереть. Тему клиентов он развивать не стал, решив, что у Греты сувенирный магазинчик.

Провожая ее к машине, спросил:

– Я могу увидеть вас в ближайшее время? – От страха вышло немного развязно.

Грета сделала вид, что задумалась, зеленые глаза, при дневном свете казавшиеся чистым изумрудом, сузились:

– Позвоните мне. – Она быстро продиктовала цифры. – Есть, чем записать?

– Запомню! – Мобильная трубка осталась в машине.

Еще бы он не запомнил! На память Халтурин не жаловался, запоминал с одного прочтения страницу профессионального текста почти дословно, на слух – полстраницы.

Евгений провел кошмарную ночь, репетируя предстоящий разговор по телефону. Как лучше сказать: «Давай встретимся», «Хочу тебя увидеть» или правду – «Схожу по тебе с ума»? Счел, что серьезному мужчине подобает сдержанность, лучше небрежно бросить: «Увидимся?».

Однако утром намерение казаться опытным донжуаном с треском провалилось:

– Я умру, если тебя не увижу! – как мальчишка проскулил Евгений.

Признание было встречено благосклонно. Встретились в обед на выставке декоративно-прикладного искусства прошлого века.

Коллекция фарфора Утесова, палехские шкатулки, художественное литье – все, на чем останавливала взгляд Грета, Халтурина казалось прекрасным.

Насытившись впечатлениями, вышли на тихую улочку старого центра. В Жеке все вопило от счастья: «Yes, yes, yes! Сбылась мечта идиота!» – крутилось в голове.

Воробы, запах цветущей акации, налетевший ветер, спутавший волосы Греты – все вызывало щенячий восторг, который Жека скрывал под напускной солидностью. К тому же еще утром, в телефонном коротком разговоре они перешли на ты.

Побродили по улицам, сделали несколько кругов на колесе обозрения в детском парке, выпили кофе.

Ни слова о Мишке сказано не было, будто его не существовало. Болтали о всякой ерунде. Грета – о странах Бенилюкса, Жека – об Америке, Грета – о музеях Европы, Жека – о своих наполеоновских планах.

– А чем ты занимаешься? – из вежливости поинтересовался Жека.

На самом деле занятие Греты не имело значения: кем бы Грета ни была, хоть инструктором по дайвингу, хоть резидентом германской разведки, Евгений все готов был принять и простить заранее.

– Я дизайнер.

– Здорово!

Время пронеслось, будто пока они бродили по музею, пили кофе и болтали, сменился часовой пояс: только что был восход, и вот уже сумерки. Лучшее воскресенье в жизни Халтурина угасало на глазах.

Прощались у метро, Халтурин, вспомнил, что настоящий мужчина должен сдерживать порывы, припал к ручке. Грета отняла ладонь, двумя пальцами ухватила Жеку за подбородок и потянула к себе. Губы встретились. Халтурин, как мечтал, прижал к себе любимую и на несколько секунд потерял сознание.

...Проведя больше пяти лет в котле страстей, Халтурин понял, что попадет либо в психушку, либо в морг (росло желание убить Мищука, Грету и себя), если не уедет.

Глава 3

– Мама, что за лекарство тебе выписали? – Женька читала листок-вкладыш. – Ты только послушай, какие побочные действия оно вызывает: «со стороны сердечно-сосудистой системы – аритмия, сердцебиение. Со стороны пищеварительной системы – тошнота, сухость во рту, чувство дискомфорта, боль в эпигастрии, диарея, запор. Со стороны нервной системы – астения, нервозность, головная боль, бессонница, депрессия. Со стороны органов чувств – нарушение зрения. Со стороны дыхательной системы – кашель, фарингит, синусит. Аллергические реакции». Мама! Неужели этим можно лечиться? Нашу врачу нужно сжечь на костре!

Женька специально зашла с работы в аптеку, выстояла очередь, выкупила в рецептурном отделе это средство Макропулоса – четверть зарплаты оставила.

Просто засада, честное слово!

Мама Женьки, Вера Ивановна, питала необъяснимое доверие к медицине. Все рекомендации участкового терапевта для Веры Ивановны были святы, как Новый Завет, Талмуд и Коран вместе взятые.

– Не шуми, и так голова болит от вас всех, – отозвалась мама на обвинения дочери. – Много ты понимаешь. Надо сразу пить от аллергии что-нибудь – только и всего.

– То есть, от этой таблетки надо защищаться двумя или тремя другими? Это тупик.

– Вместо того, чтобы пожалеть, поддержать мать, одни упреки, – с неприятным трагизмом вздохнула Вера Ивановна. – Где стетоскоп? Мне пора давление мерить.

В семье Верочка была восьмым ребенком из одиннадцати, и чтобы привлечь внимание, надо было заболеть. Верочка быстро усвоила эту премудрость, и в болезнях себе не отказывала. Не только Верочка любила и коллекционировала болячки, но и они ее: чем только она ни переболела! Любая хворь, даже самая незначительная, заканчивалась серьезным осложнением. Простое падение в детстве приводило к растяжению или перелому, аппендицит – к перитониту, обычная простуда переходила в бронхит или пневмонию.

Всю свою жизнь Вера Ивановна испытывала острый недостаток внимания, и жила с обидой на окружающих. На дочь обида была особенно глубокой: родная кровь, и такое бездушие!

Обида усилилась, когда Женя похоронила мужа и замкнулась в себе. «Надо думать о живых, а не о покойниках», – рассудила Вера Ивановна и на самом деле слегла.

Сбережений в семье не было, денег все время не хватало, ко всем бедам выяснилось, что муж Жени купил мотоцикл «Ямах» в долг. Продавец не хотел забирать мотоцикл, требовал денег. Вера Ивановна рыдала, закрывшись в ванной, и пропустила момент, когда у дочери появилось желание умереть.

Женя укладывала сына спать, ждала, когда затихнет мама, бродила по квартире и высматривала место, где лучше набросить петлю. «Люстра не выдержит, – хладнокровно рассматривая потолок, решала молодая вдова, – наверное, лучше в ванной на трубе».

Когда мысль о суициде стала навязчивой, Женя столкнулась на остановке со странной теткой.

Тетка сидела на скамейке бесформенным кулем, свесив голову на грудь. Шея – один сплошной кровоподтек. Кожа на шее шелушилась и местами сворачивалась в бахрому. Фигура внушала страх: тело было пустым, в нем не было жизни, души. Безвольно опущенные плечи и руки, уставленный в одну точку взгляд. С трудом отрывая ноги от земли, тетка дотащилась до автобуса и поднялась по ступенькам. Зомби – первое, что приходило в голову, при виде женщины. Очевидно, это была самоубийца, вынутая из петли.

Женя вняла предостережению судьбы, выбросила из головы мысли о побеге, но внутри у нее все застыло. Она перестала радоваться жизни, и жизнь шла навстречу – перестала радовать.

Незаметно в доме прочно обосновалась нужда. Точно вражеские полки из засады пошли в наступление болезни, поломки, мелкие потери и даже кражи. На Артеме вещи горели, сын все время терял рукавички и шарфики, а самой Жене дважды срезали сумку в автобусе, будто воры на ее лице видели приглашение не стесняться.

Женя не успевала отбиваться и уворачиваться от мелких, подлых укулов опытной фехтовальщицы-судьбы.

Поэтому когда Мелентьева принесла фотографию кавказского мужчины и его письмо, Женька уже не сопротивлялась.

...В письме, которое Алла получила на электронный адрес брачной конторы, не было ни одной грамматической или пунктуационной ошибки, оно было гладким и стерильным. К письму прилагалось фото, с которого на мир взирал коротко стриженный, насупленный, вислоносый гражданин с ушами, как у сахарницы – можно держаться. Звали орла Аслан Алаев.

«Здравствуйте, – писал мужчина, – меня заинтересовала женщина по имени Евгения. О себе: я вдовец».

В конторе, читая письмо, Нинэль не удержалась, фыркнула:

– Ну, и как они будут вместе смотреться? Как два надгробия? Лучше уж пусть Хаустова вдовой остается. Ох, не везет моей подруге.

«Я осетин, живу во Владикавказе, – продолжила чтение Нинка, – война унесла семью и всех моих родных. Решил уехать из города, где все напоминает мне о потерянном счастье и любви. Я не хочу при жизни превратиться в тень, надо жить, а здесь возродиться я не смогу».

– Нормально. Может, Женьке тоже куда-нибудь податься?

– От себя не уедешь, – урезонила начальницу Алла, – и вообще, осетин – это плохо.

– Почему?

– Они мстительные. Помнишь отца семейства, который убил швейцарского авиадиспетчера?

– Который за смерть семьи отомстил?

– Да. У них разговор короткий: чуть что не так – кинжалом по горлу, и привет. Может, ну его?

На вид мужчине было меньше сорока, но Нинка не доверяла фотографиям, она знала, как легко идут на подлог женихи, стремясь получить желаемое: высылают фото пяти-, а то и десятилетней давности.

– Ладно, отдам фотографию Женьке, пусть сама решает. В конец концов, это единственный кандидат за три года – рекордсмен.

Нинка распечатала портрет жениха, похожий на фото в рубрике «их разыскивает милиция».

Женя с досадой взглянула на претендента, перевела взгляд на подругу:

– И что дальше?

– Может, пусть приедет? – осторожно предложила Мелентьева.

От одной мысли, что кто-то, кроме Нинки, пытается проникнуть в ее мирок, падало настроение.

– А если приедет?

– Встретитесь, поговорите каждый о своем и разойдется, – заверила Нинка.

Женя нахмурилась, представляя встречу с незнакомым мужчиной: одни хлопоты. В своем старом пальто ей только на огороде ворон пугать – стопроцентная всхожесть семян и урожайность гарантированы.

«Ладно, пусть Нинка убедится, что все бесполезно. Может, наконец, отстанет», – решила Женя.

Однако беспокойство нарастало:

- А если он не отцепится?
- Что значит – не отцепится?
- Прилипнет, как банный лист?

– Не прилипнет, – отмахнулась Нинка, удивляясь про себя наивности подруги: не с таким лицом бояться настойчивых ухажеров. Чтобы привлечь мужчину, нужно высекать искру, а Женька погасла после смерти Андрея. Нинка решила пойти от противного: не спичку поднести к дровам, а дрова к спичке. Может, рассуждала Мелентьева, если кто-то проявит интерес к Женьке, подруга заискрится. Надежда слабая, но вдруг? По этой причине Нинка не утруждала себя разглядыванием перспективы.

Нинкино легкомыслие сердило Женю:

- Откуда ты знаешь?
- Будем решать проблемы по мере поступления.
- Сначала их себе организуем, а потом будем решать – очень на тебя похоже.
- Упрек не принимается. Ничего страшного не случится, не накручивай. Я рядом, и все-

гда помогу разрулить ситуацию.

Что-то, а разруливать Нинэль научилась.

Глава 4

...Карьера Нинэль Мелентьевой, крутая, как пожарная лестница, началась 23 февраля 1997 года, когда модель № 309 из каталога агентства Pretty приняла участие в закрытом показе элитных мужских рубашек в частной гостинице.

Рубашка от Валентино, небрежно повязанный красный галстук, в тон галстуку сочные губы и ярко-алые ногти, ковбойская шляпа и сапоги-ботфорты – в таком виде предстала Нинэль перед своим первым мужчиной.

Подпившие, расслабленные ценители элитных рубашек очень скоро стали растаскивать девушек по номерам. Старый хмырь с лицом, напоминавшим кайнозойскую складчатость, потянул Нинку с подиума и сунул за пояс трусиков купюру. Смысл происходящего дошел до Нинки, как до жирафа – в последнюю очередь (она была выше всех девушек, метр восемьдесят четыре).

Соображала Нинка туго, но решение принимала моментально: она разбила старичку нос.

Крепкий парень из охраны старичка, ухмыляясь, заломил Нинке руку, обхватил под грудью и выволок из гостиницы.

Они стояли на улице – ночь, холод, Нинку в рубашке и галстуке сотрясал озноб. Шляпу Нинка прижимала к груди, как доставшийся в бою трофей.

– Ты где живешь? – спросил парень.

– На «Юго-Западной», – стуча зубами, с трудом выговорила Нинка.

– Прыгай в машину, кукла, – велел секьюрити, распахивая дверцу джипа.

Модель № 309 не заставила себя уговаривать.

Нинкины ноги, рост корабельной сосны и умение драться произвели на парня неизгладимое впечатление. В свадебное путешествие молодые отправились на Сахалин, в рыбацкую деревушку Поронайск.

Медовый месяц растянулся на полгода: парень, его звали Николай, решил остаться на малой родине и заняться икорным бизнесом.

Нинка отстояла две путины, в две смены потрошила рыбу, заработала денег и к зиме уже была в Москве. Исколотые рыбными плавниками, в нарывах, пальцы еще долго напоминали Мелентьевой о большой любви.

Сахалинский скачок не заставил Нинку отречься от надежды на модельный бизнес. Ее тянуло на подиум.

Все последующие события в жизни Мелентьевой наводят на мысль об указующем персте судьбы. Он вел Нинку, помогал преодолевать виражи и ухабы исторического момента, открывал перед ней нужные двери и организовывал нужные встречи.

Дефиле по несколько часов в день, занятия с визажистом и умение держаться перед камерой не прошли даром.

Агентство заключило контракт с автосалоном, состоялся кастинг. Из трехсот девушек владелец автосалона выбрал Нинэль Мелентьеву.

Десять дней членистоногая, нескладная Нинка провела распластанной на бампере брутального «хаммера» в костюме новой амазонки.

Полоска шкуры какого-то экзотического животного вокруг шеи, кусок кожи на бедрах, мало что прикрывающая кожаная жилетка, ботфорты со шнуровкой, металлические заклепки на всех предметах скудного гардероба – Нинка в этой спецодежде эпатировала всех посетителей мужского пола от десяти до восьмидесяти лет.

Один из постоянных клиентов салона, владелец сети магазинов секонд-хенд Степан Степанович Конюхов при взгляде на воительницу потерял дар речи.

Дяде было хорошо за сорок, а Нинке – девятнадцать, но разница в возрасте казалась Мелентьевой очень романтичной.

Полгода подержанный Степан Степаныч задаривал Нинэль тряпками из секонд-хенда, уверяя:

– Этот костюмчик (платье, блузку), Нинок, всего один разочек надела Ким Бэссинджер (Сьюзан Сарандон, Софи Марсо), по-моему, он тебе очень пойдет. А рукава можно отрезать, – добавлял Степан Степаныч, когда обычной длины рукав превращался на Нинке в рукав «три четверти».

Роман с потрепанным королем секонд-хенда вышел недолгим: Степан Степаныч получил десять лет с конфискацией за контрабанду, сокрытие доходов и неуплату налогов в казну в особо крупных размерах. Магазины отошли государству. На руках у Нинки остался чемодан с немислимой суммой наличности, которую Степан Степаныч не успел вывезти за океан.

Чемодан с чужими деньгами Мелентьева сунула под кровать, а сама продолжала метаться между показами, презентациями и промо-акциями, пока директриса агентства – покинувшая сцену певичка – не предложила Нинке сопровождение VIP-клиента.

Клиент оказался банкиром, и Нинка рискнула спросить, куда следует вкладывать деньги в рыночной экономике. Банкир дал Нинке бесценный совет: держать деньги в долларах, а доллары – в чулках. Или купить недвижимость.

За неделю до дефолта Мелентьева вытащила чемодан, переложила рубли в дорожную сумку и, объехав несколько банков, купила американскую валюту по шесть рублей за доллар.

Нинка не очень вникала в процесс девальвации. В ее голове не задерживались цифры, она даже не знала обменный курс, когда меняла рубли на доллары.

Мелентьева не любила вспоминать, как потом на съемной квартире она каждый день перепрятывала пакет с валютой, дорожающей чуть не каждый час, пока не спрятала так, что полгода искала захоронку. Дошло до того, что Мелентьева обратилась к экстрасенсу. Магиня ввела клиентку в транс, и Нинка вспомнила, где искать деньги – за верхним наличником балконной двери.

Мелентьева первое время ждала, что за деньгами придут гонцы экс-любовника, но ее никто не беспокоил: бывший владелец магазинов сэконд хэнд, а ныне заключенный номер 127 колонии общего режима Степан Степаныч Конюхов пребывал в уверенности, что его деньги 17 августа пропали – обесценились.

Между тем модельное агентство беззастенчиво подкладывало девочек под богатеньких дядей, а целеустремленной Нинке не хотелось переквалифицироваться в валютную проститутку.

Вернувшись домой после очередного скандального показа, Мелентьева вытащила из тайника пакет с деньгами, и, ни на что не отвлекаясь, рванула в родной город, где купила коммерческую и жилую площадь.

На этом деньги не закончились, и Нинка оплатила обучение в юридическом техникуме, где и познакомилась с Женей Хаустовой.

Получив через три года диплом инспектора отдела кадров, Хаустова выскочила замуж, родила и овдовела, а Мелентьева открыла собственное модельное агентство.

Правда, Нинкин модельный бизнес все время заваливался в сторону сексуальных услуг. Почти все акции завершались, в лучшем случае, предложением «лягемте в койку», в худшем – насилием. За отказ в близости яйцеголовые братки угрожали расправой, не без оснований путая модели с проститутками. Нинэль чувствовала себя «мамкой».

Столица, Сахалин и мужчины добавили в характер Мелентьевой такие элементы прочности, что Нинку невозможно было отличить от легированной стали, что не мешало ей мечтать о принце.

Как-то после очередного съема девушек, Нинке пришла в голову оригинальная идея одним махом перекрестить моделей в невест. Модельное агентство в срочном порядке было переделано в брачное агентство «Веста».

Теперь Нинэль не несла ответственность за интимную жизнь девушек, да и предложение «лягемте в койку» получало юридические основания.

Благодаря «Весте» в жизни у Нинки все бурлило и кипело.

Несколько раз в месяц игра шла на повышение: организовывались смотрины, накрывались столы, устраивались поездки, завязывалось знакомство или переписка. Потом на понижение: разочарование, расставание, претензии и слезы. Все на нерве, все на пределе чувств.

Нинка беззастенчиво пользовалась служебным положением, лучших кандидатов пропускала «через себя». Всякий раз погружение в любимого было полным.

Когда в Нинкины лапки попался летчик гражданской авиации, она перешла на летный сленг, рассуждала о критическом положении дел в отечественном самолетостроении.

– Авиация должна быть на дотации государства, нельзя взваливать на плечи «паксов», ну, пассажиров, полную стоимость билета, – уверяла она всех подруг и знакомых, – надо удерживать объем перевозок!

Спорить с Нинкой никто не рисковал, поскольку круг друзей и знакомых был далек от проблем авиации.

Потом у Нинки появился перегонщик машин – бывший боец спецназа – и Мелентьева озлобилась на таможню и автодороги России и ближнего зарубежья.

– Нас лишают выбора, – митинговала Нинка, – навязывают отечественные машины, а на самом деле, совершают гражданское насилие.

Названия морских ветров – это было наследство предпоследнего, самого экзотического Нинкиного ухажера. Капитан судна класса «река-море» научил Нинку стишкам: «Чайка ходит по песку – моряку сулит тоску. Если чайка села на воду, жди хорошую погоду», а так же определять время по солнцу, расстояние на глаз и направление ветра облюбяявленным пальцем. Летучку Нинка теперь завершала словами «отбой, всем службам спасибо», пыталась рассуждать о фрахте и морских пиратах.

... Утром Женя пришла будить сына, прижалась губами к щеке – будто по неосторожности поцеловала батарею центрального отопления.

Щеки Темы пунцовели, дыхание было частым и неглубоким, как у испуганной птички.

– Та-ак, – Женя посмотрела на часы: у нее есть минут двадцать. Измерила сыну температуру – тридцать восемь и две.

– Придется вызывать врача.

Тема открыл глаза и захныкал. Женя присела у кровати:

– Что, сынок, чего ты хочешь?

– Ничего.

– Может, попить?

– Да.

Напоив сына, Женя позвонила в поликлинику и пошла в комнату к Вере Ивановне.

– Мам, Тема заболел. Я врача вызвала, она придет после обеда. Я остаться дома не могу. У нас новый начальник, он меня и так недолюбливает. Так что вы тут сами.

– Начинается. Если начальник новый, то когда успел невзлюбить? И за что?

Ненавидя себя за то, что бросает сына с температурой, Женя хлебала чай под ворчание Веры Ивановны, из последних сил старалась удержаться от пререканий.

Объяснять маме причину нелюбви кризисного управляющего ни времени, ни желания не было. Мама заведомо пребывала в оппозиции, а Женке хотелось поддержки, и она каждый

раз после стычки с самым родным человеком вспоминала анекдот: «Слушай, ты чей друг – мой или медведя?».

Уже схватив с вешалки пальто, Женька вспомнила прогноз погоды – обещали дождь.

Пришлось в пожарном режиме вытаскивать из шкафа брюки, которые к тому же пришлось гладить, и лезть в антресоли за ботинками – сапоги Женька пожалела надевать в такую погоду.

Подставила стул, открыла замок на дверке и увидела куклу: фарфоровое личико было ободрано, один глаз не открывался, кружевную юбку покрывали застарелые, похожие на ржавчину, бурые пятна.

Кукла закачалась перед глазами, Женька с грохотом свалилась со стула. Вера Ивановна опрыскала Женьку водой, привела дочь в чувство. Женька пришла в себя, удивляясь, потеряла шишку на макушке...

– Ты как? – поинтересовалась Вера Ивановна, стоя над Женькой с распылителем из-под «Клина».

– Нормально. Ма, достань мне ботинки, пожалуйста.

Вздыхнув, как чудовище из сказки «Аленький цветочек», Вера Ивановна сняла с антреселей коробку с ботинками.

На все ушло еще двадцать драгоценных минут.

На работу Женька мчалась, как нахлестанная, но все равно опоздала на двенадцать минут.

Неслась по заводской территории, не разбирая дороги, на ходу расстегнула куртку, стащила шарф, влетела в здание администрации в расхристанном виде и тут же столкнулась с Халтуриным.

– Черт, – вырвалось у нее.

– Это вы мне? – опешил управляющий.

Женька вставила ключ в замочную скважину, юркнула в кабинет, через секунду сидела за столом так, будто никуда не уходила со вчерашнего дня, и прикидывала свои шансы при новой власти: «Два ноль в пользу статьи 33 Трудового кодекса».

На столе стопками высились приказы. Завод медленно и неуклонно дрейфовал к банкротству и ликвидации.

А до Нового года оставалось три месяца, перспектива вырисовывалась мрачная: люди оставались на праздник без зарплат и пособий. Женьке было страшно представить, что ждет их с мамой и Темой, когда ее уволят.

Глава 5

...Нинэль Мелентьева еще на подиуме обзавелась несколькими полезными принципами. Один из принципов запрещал пить крепкие спиртные напитки, другой – встречаться с женатыми мужчинами.

Второй принцип часто нарушался, но не по вине Мелентьевой. Мужчины при виде Нинэль прикидывались одинокими, а если обман открывался, то объявляли себя несчастными в браке и поливали жен грязью.

Нинка выслушала за свою недолгую жизнь столько жалоб, что обзавелась третьим принципом – проверять паспорта обольстителей.

Нынешний ухажер Мелентьевой – банкир Сергей Божко – был так стремителен и хорош, что Нинка не успела навести справки. После первого поцелуя у нее подкосились ноги, а когда спохватилась, уже все произошло.

Прислушиваясь к храпу Сергея, Мелентьева обшарила карманы нового знакомого и полистала паспорт. Паспорт оказался перенаселенным.

Четыре брака, один из которых был действующим, повергли Нинку в шок. Правда, наследников у банкира не оказалось, по крайней мере, законных – повезло хоть в этом.

Умом Нинэль понимала, что неженатый, богатый, симпатичный и порядочный мужчина – это герой дамских сериалов или женских романов, но потрясение не проходило.

Нинка провела язычком по распухшим от поцелуев губам, подумала и решила, что после множественного оргазма принципами можно и поступиться.

Мелентьева вернулась в постель и, прижав холодные ноги к Сергею, погрузилась в чуткий сон: крепко спать под храп Нинка не умела.

Сон прервал щелчок входного замка. Нинка открыла глаза и с немым ужасом наблюдала, как в спальню один за другим вошли трое: дама в черном и два качка. У одного в руке был фотоаппарат с мощным объективом.

Парализованную страхом Нинку ослепила вспышка. Сделав несколько снимков, группа исчезла так же бесшумно, как и появилась. Нинка не знала, что и думать. Банкир все проспал, только по-хозяйски накрыл Нинку рукой.

Нинка высвободилась из объятий, подкралась к двери и, озадаченная, подергала ручку: дверь была заперта.

Утром умытая, гладко причесанная, в шелковом кимоно, Мелентьева встретила счастливо улыбающегося Сергея вопросом:

- Сереж, а ты ничего не видел ночью?
- Родинку на левой груди? – попытался угадать Сергей.
- Нет, тетку с фотиком.

Сергей напрягся:

– Не понял.

– Ночью в спальню завалила тетка с фотографом и еще каким-то типом, они сделали несколько снимков и свалили, – объяснила любовнику Нинка, разливая кофе. – Я думаю, ты знаешь, кто это может быть.

- Догадываюсь, – помрачнел Сергей, – невысокая, худая, черная, как ворона?
- Ну, почти. – Нинке стало не по себе. – Только не говори, что это твоя жена.
- Она самая.

Голова банкира поникла. Мелентьеву поразила неприятная догадка:

– Она следила за тобой?

- Да. У нас брачный контракт, она давно хочет развода, но боится остаться на улице.
- Теперь ты останешься на улице?

– Только на некоторое время, пока суд не пройдет. Приютишь меня? – заискивающе глядя на Нинку, забросил пробный шар банкир.

– А рядом с тобой не опасно?

– Надеюсь, что нет.

И, обменявшись поцелуями, любовники разъехались по офисам.

Банкир не лукавил перед Нинкой: бояться было поздно.

Внутренний голос учил Божко тщательно замечать следы преступлений против нравственности, не трепаться о победах, не светиться перед охраной и друзьями. Встречаться только с замужними женщинами и только на съемных квартирах.

Несколько лет он придерживался всех этих в общем-то несложных правил, и чувствовал себя по-настоящему счастливым человеком.

С Нинэль Мелентьевой Сергей потерял нюх.

Как только Божко увидел Нинкину мордашку, круглую попку, ноги и походку, он пришел в тонус и даже не пытался с собой бороться.

Два раза в месяц Мелентьева парковала серебристый «форд» на стоянке под окнами банка, с отточенным изяществом выбрасывала ноги-циркули в открытую дверь, высовывала голову и поднималась во весь рост, словно рождалась из морской пены, осчастливив своим появлением всех и никого конкретно.

Нинкина внешность притягивала многих, но банкир видел в девушке упрямство и неженскую твердость в комплекте со скрытой сексуальной энергией. Все это околдовало Сергея.

Поймав себя на эротических фантазиях, в которых присутствовала высокая красotka со смешной, слегка косолапой походкой модели, Божко понял, что пора действовать.

Узнать название и адрес фирмы клиентки не составило никакого труда. Дальше судьба выстлала путь банкира ковром: «Веста» оказалась брачным агентством. Сергей зашел на сайт агентства, где и обнаружил фото и телефоны Нинэль.

Божко был уверен, что подобные женщины холодны, расчетливы и не улыбаются бесплатно. Он приготовился к войне.

Провел атаку по всем правилам любовной науки: прислал корзину роз и билеты на выходные в Париж. И сразу позвонил (не из банка, разумеется, и не с мобильного, а из автомата). После короткого разговора Сергей сжал руку в кулак и сказал себе: «Есть контакт».

Заинтригованная, Нинка согласилась на встречу со щедрым ухажером, не предполагая, чем все закончится.

... Нинка Мелентьева душу готова была продать за информацию. Эта особенность развилась до мании, когда она переквалифицировалась в сваху.

Мелентьева обожала эксклюзивных невест и женихов, которые были достоянием только ее конторы – заначки, как в фильме «Москва слезам не верит». Откроешь сейф, а там – одинокий, с высшим образованием, без вредных привычек...

Аслан Алаев из Владикавказа был эксклюзивом во всех смыслах – в этом Нинка убедилась во время телефонного разговора.

Разговор был нелегким по многим причинам: во-первых, у жениха был бешеный акцент, так что Мелентьева не столько понимала, сколько догадывалась, чего хотел соискатель.

Во-вторых, Нинка боролась с желанием уличить жениха в подлоге: письмо-то было без единой ошибки, а при таком акценте это вряд ли возможно!

В-третьих, с утра Мелентьева сидела на низкокалорийной диете и чувствовала глухое раздражение на весь мир. Завтрак состоял из овсянки, на обед был овощной суп, между обедом и завтраком Нинка съела яблоко, грушу и апельсин – вот и вся радость. Нинка как раз мечтала, как на ужин приготовит рис, салат и рыбу, а тут жених из Владикавказа. И сразу потребовал адрес невесты.

Нинка, разумеется, ответила, что адрес дать не может:

– Зачем вам адрес? Так не делается. Встретитесь, познакомитесь, поговорите, а там видно будет. Вдруг она вам не понравится?

– Как – зачем? Как – нэ панравицца? Уже панравилса! – Нинкин мелочный характер выводил кавказского мужчину из себя. – Есть винаград, вино, арех! Нэ абижу!

– Какой виноград? Какой орех? – подпрыгнула Мелентьева.

– А как в гости – с пустым рука? Нэ паложена!

– Не надо ничего везти! Слышите? Не надо! Вы познакомьтесь сначала, а потом будете вино и орехи возить.

– Зачем? – сердился мужчина на бестолковую сваху. – Как можна ехат к нэвэста с пустым рука?

Нинка схватила за сердце.

– Аслан! – Она перевела дыхание. – Думаю, у вас ничего не получится с Женей.

– Как так? Зачем нэ палучицца? – Обида горца выплеснулась из трубки. – Я сказал – палучицца!

– А я сказал – нэ полуцицца! – заорала Нинка, заимствуя акцент и путая женский и мужской род.

Мелентьева швырнула трубку.

– Что ни дерьмо, то к нашему берегу. Все, завязываю подруге женихов искать.

Алла не успела ответить – телефон опять зазвонил. На связи опять был Аслан Алаев.

– Женщина! – Орел был не на шутку рассержен. – Ты зачем бросил трубка?

– Затем, что невеста отказалась с вами знакомиться.

– Как он может сказать, если он миня нэ знал? – урезонил Алаев сваху.

– О, Господи, помоги, – взмолилась Нинка, прикрыв трубку ладонью. – Она не хочет знакомиться с вами! Вы поняли?

– Нэ хочет? Как так? Это что – шутка такой?

– Нет, простите, это не шутка, это жизнь, – отрезала Нинка и положила трубку на рычаг. – Вот ненормальный. Алка, не отвечай ему, пошел он куда подальше. Скажу Женьке – все, отбой воздушной тревоги.

И Мелентьева умчалась на свидание, забыв думать о вдовце.

...Хаустова опять опаздывала и по пути на работу желала только одного – не столкнуться с управляющим.

Женя уже поднималась на крыльцо административного кирпичного здания, когда раздался рев мотоцикла и к крыльцу подъехал... Андрей на своей сверкающей убийце-мотоцикле «Ямаха». Женя вскрикнула и прижала руки к помертвевшим губам.

Призрак Андрея спрыгнул с железного коня, снял перчатки с раструбами, шлем и взбежал на крыльцо.

Женя так и стояла, зажав рот ладонями. Глаза у нее были безумные. Хаустова уже видела, что это не Андрей, но ноги не двигались, тело было сковано ужасом.

Халтурин притормозил на крыльце и с подозрением посмотрел на кадровичку:

– Вам плохо?

Не успел вопрос растаять в воздухе, как кадровичка закатила глаза, запрокинула к небу побелевшее лицо, уронила руки и, сделав пол-оборота по часовой стрелке, упала бы, если б Халтурин ее не подхватил.

– Черт, – вырвалось у Жеки.

Барышня ничего не весила, то есть, почти ничего. Весили одежда и обувь какого-то неизвестного дизайнера на чудовищных подошвах-тракторах.

Зажав под рукой шлем, Халтурин ногой умудрился открыть дверь, втоптал бесчувственную кадровичку в коридор и попытался устроить на стуле. Хаустова съезжала со стула, стоило ее отпустить.

Пока Халтурин в растерянности метался между стулом и ближайшей дверью в бухгалтерию, Женя пришла в себя.

Увидев управляющего, захлопала круглыми глазами.

– Вам лучше? – Халтурин перестал метаться и навис над девушкой.

– Это вы?

– Ну да, я. Так вам лучше или вызвать скорую?

– Мне лучше, – бескровными губами проговорила Женя.

Голова не кружилась, и звон в ушах прошел.

Хаустова поднялась на ватные ноги и поискала сумку. Сумки не было.

– Вы не знаете, где моя сумка? – спросила Женя слабым голосом.

– Наверное, на крыльце осталась, – догадался Халтурин и вышел из помещения.

– Как неосмотрительно, – попеняла кадровичка, когда управляющий принес ей черную сумку с потертым ремнем, – там же ключи от отдела, разве так можно?

– Обратитесь к врачу, а то, действительно, где-нибудь потеряете ключи вместе с головой, – проворчал Халтурин.

– Обязательно, – пообещала Женя в спину удаляющемуся Евгению Станиславовичу, и было непонятно, к чему относится это «обязательно»: к врачу или голове и ключам.

Глава 6

...Рабочий день кризис-менеджера был расписан до секунд: утром планерка, встречи с должниками и кредиторами, звонки, переговоры с покупателями завода, после обеда работа с текущими платежами, дальше бухгалтер, финансист, начальники цехов, указания относительно склада и остального имущества.

Дня не хватало, прихватывал вечер и часть ночи.

Все, что Халтурин отвоевал у Греты – собственную страсть, душу, сердце – все это он переключил теперь на посудную лавку. Как и в случае с Гретой, Халтурин не принадлежал себе и не распоряжался собой, только теперь точно знал, что нужно делать. С Гретой он никогда не знал, как надо поступить, всякий раз наталкивался на преграду, всякий раз – новую.

Сейчас голова работала, как часы. Никакой спешки, суеты. Четкие решения, такие же четкие распоряжения. Идеальная машина для ликвидации предприятий.

Работа была Халтуруину анестезией и наркозом.

Евгений забыл, что приехал всего лишь подтвердить статус кризис-менеджера в своих личных карьерных интересах. Он горел, плавился на работе, злился, когда сталкивался с равнодушием местных управленцев, их ленью и тупостью.

Больше других Халтурина бесила кадровичка – барышня молодая, но уже уставшая от жизни. Никакого интереса в тусклом взгляде.

Как на грех, Евгений постоянно наталкивался на Хаустову, когда она, вся в мыле, неслась на работу.

«Неужели трудно проснуться на полчаса раньше?» – давился гневом Халтурин.

Каждый раз, глядя на Хаустову, Евгений удерживал себя от желания отправить барышню в бессрочный отпуск, чтобы выспалась, наконец. Но сейчас заводу нужен был кадровик: из трех с половиной тысяч работающих Халтурин распорядился оставить пятьдесят человек, чтобы демонтировать оборудование.

Начались сокращения, плевки в спину, проклятия и обиды, обиды, обиды. Казалось, воздух на заводе пропитан ненавистью к нему, Евгению Халтуруину.

И не только на заводе.

Симпатичная администратор гостиницы Любовь Алексеевна перестала быть симпатичной, когда слухи о ликвидации завода подтвердились. Теперь Люба, увидев Халтурина, поджимала губы. Писанные и неписанные правила гостеприимства перестали распространяться на Евгения.

Демарш администратора Любы тоже был предсказуемым, и не задевал Халтурина.

Люди вообще в большей массе предсказуемы. Поэтому Халтурин усилил охрану на заводе: разочарование ведет к депрессии и нервным срывам, а они, в свою очередь, – к открытой агрессии. Всего можно ожидать от людей, оставшихся без работы.

Но, оказывается, не все реакции можно предусмотреть.

Например, девица из отдела кадров свалилась в обморок при виде злодея-ликвидатора – не плохие результаты за две недели работы...

Когда Жека подкатил к административному зданию на новенькой «Ямахе», любуясь собой и средством передвижения, такой весь крутой и самодовольный, кадровичка на крыльце вдруг взяла и отключилась. Он носился с ней, как с тряпичной куклой, а потом услышал упрек, что за сумкой не углядел. Провинция.

...Весь день и всю ночь лил дождь – безнадежный, тотальный, от которого кажется, размочило все на планете Земля и пути навсегда отрезаны, а к утру выглянуло солнце, и Вера Ивановна решила сбегать в аптеку.

Уже возвращаясь, во дворе дома, задумалась и не заметила опасность – камешка и небольшую ямку. Наступила на камешек, нога соскочила в ямку, и Вера Ивановна не удержалась, упала. Нехорошо упала, навзничь.

Выронила пакет с лекарствами, благо, что ничего бьющегося в нем не было.

Соседи помогли, подняли, довели до лифта, проводили в квартиру, позвонили Жене в отдел кадров.

– Господи, – Хаустова опустила голову на руки. – Да что ж оно все одно к одному?

Положила трубку и пошла к Халтурину.

Агнесса Павловна, увидев Женю, всплеснула руками:

– Что случилось?

– Мама упала, кажется, сотрясение. Соседи скорую вызвали. Я хочу отпроситься.

Агнесса Пална, не знаете, что с зарплатой? Задержат или нет?

– Ой, Женечка, не знаю. – Агнесса перешла на шепот. – Сейчас никто ничего не знает. Все один, все сам. Никому ничего не говорит, роется в документации, только успевают к нему девочки из бухгалтерии бегать.

Девочки были предпенсионного возраста и бегать не могли в силу избыточного веса, артрита, вегето-сосудистой дистонии и хондроза, если с таким букетом бегают, значит, дело плохо. Женя расстроилась еще больше. Сейчас маме кучу рецептов выпишут, Тема еще подкашливает, а тут сплошная неопределенность и невезуха.

Новый управляющий опечатал склад готовой продукции, приостановил платежи и отпустил в бессрочный отпуск половину всех работников. Одно слово – кризисный.

Женя обзванивала какие-то фирмы, искала работу, но пока безуспешно.

Нинка, которая всегда так легко раздавала обещания и заверения, сказала, что не может ничего обещать, потому что не знает, выкрутится или нет ее контора.

Настроение у Нинки было упадническое, и Женя поняла, что подружка не врет.

Агнесса Павловна заглянула к Халтурину:

– Евгений Станиславович, к вам Хаустова из отдела кадров. Примите?

«А, кадровичка», – с раздражением вспомнил Халтурин:

– Пусть войдет.

Хаустова вошла и обалдела: все пространство кабинета было завалено папками.

Халтурин терялся среди завалов документации.

– Здравствуйте.

– Проходите, Евгения Станиславовна, – в серых глазах читалось неудовольствие.

– Мне домой надо.

– В смысле?

– Маме скорую вызвали, – перебирая, как четки, связку ключей, пустилась в объяснения Женя, – она упала на улице, похоже, сотрясение.

– Мама? – переспросил Хаустову Жека. Брови сошлись к переносице. Мама – это самое главное и дорогое, самое ценное, самое-самое. Если мама упала – это беда.

Женька по-своему истолковала взгляд Халтурина: «Ну, конечно, мама есть только у таких, как ты, а мы тут все детдомовские».

– Идите, – властно и коротко бросил Халтурин.

– Скажите, – Женька замялась, переминаясь с ноги на ногу. Халтурин опять уставился на ее ботинки.

– Я слушаю.

– Скажите, а что с зарплатой?

– Аванс будет, – моргнул управляющий, пытаясь скрыть усиливающееся раздражение, – пока насчет зарплаты не могу точно сказать.

– А когда?

– Дня через два буду знать точно.

Хаустова уже направилась к выходу, но какая-то злая сила заставила ее остановиться и потянула за язык:

– Слушайте, – вырвалось у Жени, – зачем вы вообще приехали?

Халтурин уже готов был выставить нахапку за дверь, но сдержался. Ему вдруг стало интересно.

– А что бы было, если б я не приехал? – полюбопытствовал Халтурин.

«Дура, что я несу, теперь точно уволит без пособия», – ужаснулась собственной выходке Женя, но терять уже было нечего:

– Мы бы работали, как работали, – с мстительным удовольствием бросила Хаустова в лицо ненавистному ликвидатору.

Халтурин только приготовился задать вопрос, который крутился у него на языке с первой их встречи, но не успел – зазвонил телефон.

– Минуточку, – рявкнул Халтурин.

Женька вздрогнула и попятилась к двери, но была остановлена новой командой:

– Евгения Станиславовна, мы не закончили, присядьте. Алло? Говорите. Грета? Я занят, перезвоню.

Халтурин положил трубку на стол и прикрыл глаза. Женя с удивлением наблюдала, как меняется цвет лица управляющего – с обычного на покойницкий.

– Вам плохо?

– Нет, – выдохнул он и огляделся. – Мы с вами говорили о ... о чем мы говорили?

– О том, что если бы вы не приехали, завод работал бы себе и работал, – напомнила Женька, понимая, что летит в пропасть.

– Отлично! – неожиданно обрадовался Халтурин и улыбнулся. – Вы бы работали и работали. А почему вы в этом уверены?

«Интересно, она может что-то знать? – думал Жека, с любопытством присматриваясь к кадровичке, – миленькая, личико открытое, вызывает доверие. Если слышала что-то, скажет или побоится?».

– В чем? – «Не может кризисный управляющий быть таким тупым, чтобы не видеть очевидного. Их посудная лавка кому-то помешала – это же ясно, как божий день!», – подумала Женька.

– Евгения Станиславовна, я не тупой, – заверил Женьку Халтурин, – просто хочу понять кое-что. Вы говорите, что работали бы, как работали. Значит, у вас есть основания считать, что дела на заводе шли нормально?

– Отлично шли дела! – воскликнула Хаустова с досадой.

– Да?

– Да! Отлично.

Халтурин с сомнением всматривался в кукольное личико: неужели барышня забыла, что им не платили три месяца зарплату? Решил напомнить:

– Но завод не платил текущие платежи. Задерживал зарплату.

– Вы нашу посуду вообще видели? Или вы только счета и балансы видели? Вы сходите в цех, посмотрите, какую красоту взяли на себя смелость убить! У нас покупают посуду японцы, из Средней Азии приезжают, а вы говорите – зарплата. У нас такие мастера, – набросилась на Халтурина Женя, – вы видели, какая роспись ручная на сервизе «Майский»? Или «Индийский»? Это же штучный товар! Коллекционные вещи!

Халтурин слегка опешил от напора кадровички:

– То есть, вы хотите сказать, что проблема завода – в слабом менеджменте?

– Этого я не знаю! Я менеджер по персоналу, а не директор. Что людям-то делать? Кто-нибудь несет ответственность за людей? – Хаустова с отчаянием смотрела в спокойные, холодные глаза кризис-менеджера. – Куда нам всем деться? Вот что я маме скажу?

У Женьки предательски задрожал подбородок, она набрала в грудь побольше воздуха, чтобы, не дай бог, не разветься перед этим хищником, и выскочила из кабинета.

Глава 7

...Бориса Борисовича можно было описать двумя народными поговорками: «Как с креста снятый» и «В гроб краше кладут». Это все было про Куколева.

В палате интенсивной терапии, куда ББ перевели из реанимации, он уже мог признаться себе, что Сергей Божко его, старого и опытного хозяйственника, обыграл.

Собственно, поэтому он и позвонил приятелю в министерство, спросил что делать, если кредитор по всем признакам пытается захватить завод. Приятель направил Куколева в консалтинговую компанию, в которой оказывали экзотические услуги: «банкротство», «противодействие инициированию банкротства», «защита законных интересов должника при недружественном захвате». От знакомства с перечнем услуг у старого хозяйственника выпали остатки волос.

Нет, он, конечно, слышал обо всех этих рейдерах, но чтобы с ним? И кто? Сережка Божко? Этот клоп на теле завода?

Куколев сыграл на опережение: не дожидаясь, когда у банкира появится юридический повод обратиться в суд с заявлением о признании завода банкротом, позвонил в столицу, в консалтинговую компанию и взял в аренду кризисного менеджера Халтурина.

С помощью кризис-менеджера Куколев мечтал обеспечить себе безбедную старость. Имеет старик право что-то отщипнуть от завода, которому отдал почти сорок лет? Имеет, конечно.

Но после сердечного приступа с Куколевым случился казус: проснулась совесть. Она посещала старика то в образе молодой вдовицы Хаустовой, то в облике одиннадцати детей художника по керамике Рогова. Куколев уже не мог спать без снотворного, но и во сне покоя не было.

Борис Борисович переживал очередную атаку совести, когда в палате появился Халтурин.

Выложив все положенные больному бананы-апельсины-яблоки, Жека присел на стул у постели и склонил голову сначала вправо, потом влево:

– А вы неплохо для покойника выглядите.

– То-то и оно, что для покойника. А тебе зачем покойник понадобился? Ты, поди, обо всем уже догадался? Что, раскусил орешек?

Евгению не понравилась реакция Куколева. Такая реакция могла означать что угодно. Например, что ББ вел двойную игру. Куколев, с одной стороны, участвует в афере, с другой стороны, приглашает экспертом его, Халтурина. Зачем? Прикрыться? Не мог же ББ всерьез рассчитывать, что Халтурин или кто-то другой с таким же опытом и знаниями, как у Халтурина, не поймут сути происходящего на заводе?

– Не дуйся, Жень, – по-отцовски попросил Куколев, – я, старый дурак, не понял, что замышляет Сережка.

– Сережка – это Сергей Божко, управляющий банком «ИнвестТраст»? – с удовольствием включился в расследование Евгений.

– Да он, он, искуситель, – начал дребезжащим голосом Куколев, но Халтурин не для того приехал, чтобы отпустить грехи.

– Борис Борисыч, не на исповеди. Давайте суть. Вы перевели банку транш.

– Да. Зарплату, прибыль за квартал и деньги за часть проданных активов. Он меня заверил, что прокрутит все и вернет.

– Он и вернул, но как кредит. Так?

– В том-то и дело, – запричитал Куколев, – если б я знал...

– Вы поняли, в чем дело и пригласили меня.

– Именно, дорогой ты мой, все так и было. Только он еще и пригрозил, что если я кому-то заикнусь, то меня же и посадят. И он прав. Что делать будешь?

– Как договаривались.

– Ну, да, ну, да, – забормотал ББ, – конечно. Ты-то уедешь, тебе-то что. Людей жалко, годами собирал, учил, старый я дурак. Мне же после всего здесь не жить!

– Борис Борисыч, это что-то новенькое, – вытаращился на ББ Халтурин. – Надеюсь, перемены в вашем настроении не создадут мне проблем?

– Не кипятись, Жень, – устало махнул рукой Куколев, – ты ни при чем. Это я во всем виноват. Мне и отвечать.

Повисло молчание, прерываемое тягостными вздохами Куколева. Женька очистил апельсин, разломал на дольки, протянул Борису Борисовичу.

– Может, что-нибудь можно придумать? – Старый хитрец посмотрел покрасневшими глазами на Жеку.

– Что именно?

– Ну, время у меня было, я тут подумал... Может, можно переиграть Божко?

Халтурин не собирался ничего придумывать – не за тем ехал. Через месяц Евгений должен оплатить обучение на языковых курсах в Лондоне. Если задача менялась, то менялось все – от договора с консалтинговой компанией, где Халтурин числился специалистом по банкротствам, до кадровых увольнений на заводе – кого-то придется оставлять. Ради посудной лавки менять ничего не хотелось. Старик явно хитрил, наверняка не о заводе пекся, а о своем интересе. Евгений не стал уличать старика.

– Борис Борисович, если я вас правильно понял, вы хотите сохранить предприятие?

– Если можно.

– Вы меня удивляете, Борис Борисыч. Я работал над противоположной стратегией.

– Сынок, – оживился и начал торговаться Куколев, – какая тебе разница, ликвидировать или выводить из кризиса? Ты свое вознаграждение все равно получишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.